

А. К. ГОРСКИЙ, Н. А. СЕТНИЦКИЙ

Письмо Г. Уэллсу

Книга Ваша «Спасение Цивилизации», прочитанная нами в русском переводе, была причиной, вызвавшей это письмо. Первое, что мы считаем своим долгом, это засвидетельствовать Вам свое глубокое уважение и сочувствие выраженным в ней взглядам. Мы склонны думать, что Вы, едва ли не единственный человек в Европе из известных нам крупных писателей, подошли вплотную к основным вопросам, от правильного разрешения которых зависит будущая жизнь и существование не только Европы, но и всего человечества. Вы решились возвысить свой голос, призывая и требуя к ним серьезнейшего общественного внимания. Мы почувствовали в Вашей книге предостерегающий и встревоженный голос отца, пользующегося своим возрастом и положением, чтобы смело напомнить некоторые трюизмы, напомнить ходячие истины и призвать к тому, чтобы из них были сделаны необходимые выводы. Мы во многом согласны с Вашими положениями, выводами и проектами. Даже более того, мы считаем, что мало словесного согласия, необходимо действие. Но действие возможно и целесообразно тогда, когда существует полная и окончательная договоренность до конца, когда различные уклоны индивидуальных мнений не влекут врозь. То же действие, к которому призывает Ваша книга, — построение нового мира, осуществление нового единства человечества, — требует наибольшего единомыслия и единодушия, хотя бы у тех небольших групп, которые возьмут на свои плечи тяжесть будущего строительства и ответственность за него.

Это заставляет нас не ограничиться засвидетельствованием Вам своего уважения и восхищения, а ставит перед нами обязанность отметить то, что безусловно приемлемо для нас в Вашей книге и что требует пополнения и возбуждает сомнения.

Прежде всего о приемлемом.

Мы совершенно согласны с Вами в том, что если не найти путей для преодоления тех разрушительных сил, которые раздирают Европу, если допустить развитие тех распадных тенденций,

которые обнажились с момента Великой войны, то будущее наше и ваше (т. е. Европы, Азии и Африки, Евразии, Евразиафрики), вернее нашего континента, а может быть, и всей планеты, более чем печально. Несомненно, что мы переживаем грандиознейший кризис, подобный тому, который был пережит в первых столетиях нашей теперешней эры. Далее мы допускаем и то, что одним из естественнейших выходов из европейских неурядиц является образование сначала всеевропейского, а затем мирового государства. Равным образом мы согласимся и с тем, что и патриотизм, и связанные с ним групповые и классовые объединения являются в настоящее время лишь препятствием на пути к новым формам всечеловеческого единения. Для нас несомненно, что местный национальный патриотизм и подобные ему группировки, хотя бы даже именуемые себя интернациональными, не имеют серьезных шансов быть той регулятивной идеей-силой, которая может вывести из тупика Европу и человечество и цивилизацию. Мы, пожалуй, позволим себе сказать, что решение задачи лежит не в патриотизме, не в национализме или интернационализме классовом или ином, а в супранационализме. Из прочих идей, выдвинутых Вами, нам особенно близка идея создания новой мировой кодификации всех достижений человечества, в которой было бы собрано все, чем живет и должно жить человечество, полное объединение всех знаний, реально и символически воспринимаемых нами проектов и планов пересоздания мира. Равным образом естественно, что и следующие Ваши положения: о необходимости реформы образования, о возможности произвести проектируемую Вами перестройку только при помощи новых методов образования и пересоздание этим путем новых поколений, — все это для нас вполне ясно и приемлемо.

Как Вы можете отметить, Ваши общие постановки вопросов нам вполне близки и ясны, но есть в Ваших построениях нечто, что заставляет нас писать Вам и просить выяснить вытекающие из Вашей книги недоумения.

Прежде всего возникает вопрос не о близких результатах, а о далеких целях. Здесь у Вас имеется зияющая пустота. Непонятно, зачем и для чего заботиться о мировом государстве, о будущем человечестве и предстоящих реформах в педагогических системах. После прочтения Вашей книги остается совершенно неясно, зачем Вы даже ставите все эти вопросы на первый план. Даже более. Мы позволим себе говорить о впечатлении, которое производят некоторые места Вашей книги. Иногда кажется, что Вы невольно привлекаете к делу весь пафос Вашего личного стремления к проектируемому Вами формам будущего общечеловеческого, свой авторитет мирового писателя, свои чувства отца и даже свои права достаточно пережившего и умудренного опытом человека, чтобы этим спо-

собом увлечь читателя и компенсировать недостаточность Вашей аргументации и, быть может, тем замаскировать невольно вырывающуюся бесцельность и бессодержательность будущего общезжития. Ведь в результате осуществления Ваших проектов человек превращается в весьма квалифицированное в интеллектуальном отношении существо, «свободное от труда» (это Ваши подлинные слова), непрестанно учащееся, позволим себе сказать, никогда не познающее истины, много путешествующее и довольно бездейственно ожидающее смерти, которая, быть может, к тому времени не будет приходить в пределах теперешних статистических норм; нормы, быть может, и возрастут, но сущность останется той же.

Но и помимо этого общего положения следует остановиться на весьма важном практическом моменте. Мы склонны думать, что в наших современных условиях существования человечество не может заниматься чистым творчеством из ничего. Наши возможности лежат всецело в плоскости перестройки, переконструирования, иного направления уже наличных сил и потенциалов. И вот с этой стороны нам кажется, что Вы, говоря о будущем обществе и человечестве, совершенно упускаете из виду такую особенность. Если человечество не будет иметь для приложения своих сил такой общей точки, которая поглотила бы все свободные энергии человечества, то для нас является весьма сомнительной возможность осуществления тех сравнительно невысоких по своему уровню форм существования, которые Вы рисуете как жданный и желательный выход из современного, чреватого гибелью и разрушением, положения. Все те силы, которые властвуют сейчас в нашей жизни, которые повлекли к мировой пятилетней войне, которые заставляют нас жить на кратере вулкана ежеминутно могущих хлынуть войн и революций, все эти силы остаются неизбежно действующими и в описываемом Вами обществе. Ведь они господствуют не только в формах зоологического национализма или в эксцессах классовой борьбы, проистекающей, по Вашим словам, «от развращенности собственности». Позвоительно думать, что и в тех благополучных условиях, которые кажутся Вам исключительно желанными, эти силы, быть может, подавленные некоторое время, начнут действовать с увеличенной энергией. Они легко могут проявиться сначала в форме спорта и состязания, затем в форме отдельных столкновений разномыслящих и мало занятых людей, наконец, постепенно от полемики привести к коллективным схваткам и дракам отдохнувшего человечества. Новый «сциентифичный» бой людей, забывших о нашем времени и ищущих в борьбе выхода из бесцельного, хотя и благополучного, материально-обеспеченного существования, — таков тот путь, который, естественно, и изберут силы, в наших условиях непреодоленной розни и гнета уже раз приведшие к гибели и кровавой схватке большинство современно-

го культурного человечества. Представляется почти несомненным, что именно условия наибольшего материального благополучия должны особенно быстро привести человечество на этот путь новых схваток и битв.

Как бы то ни было, мы склонны думать, что бесполезно строить проекты лучшего будущего для человечества, не указав ему серьезной цели, а также и равно приемлемой для всех работы, в которой оказались бы заняты силы, в настоящее время раздирающие на части нашу ничтожную вселенную. Ведь даже если взять лишь одну только силу естественного размножения, то нет оснований думать, что в проектируемом Вами замедленном мировом государстве она не приведет к тем же условиям перенаселения и следующей за ним борьбы за свое место «под солнцем», которую мы наблюдали и в которой участвовали.

Все эти соображения заставляют нас считать особенно важным нахождение универсального принципа объединения человечества и связанное с ним отыскание пути, на котором противоборствующие силы и стремления, раздирающие современный мир, нашли бы себе согласное, гармоническое и полное примирение.

Мы думаем, что Ваши попытки сделать это совершенно недостаточны и неудовлетворительны. Вы сами считаете необходимым для достижения поставленных Вами задач создать массовое движение, способное воодушевить массы, заставить их умирать за «Лигу Наций» и до самозабвения бороться за создание нового политического строя Европы. Вы ссылаетесь при этом на факт быстрого распространения мировых религий. Но ведь всякий раз (христианство, ислам и буддизм) это было следствием повального увлечения народов пророчествами, перспективами, горизонтами будущего, блеснувшим сознанием найденной цели всечеловеческой истории. Она только одна была в состоянии вдохновить на кодификацию, подбор, отбор и обработку для глубокой переплавки сплава, химической перестройки в одно нерасторжимое целое квинтэссенций из всех необходимых материалов, относящихся к прошлому человечества и мира (человеческая и космическая история), а равно и к его настоящему (общественный строй, быт, гигиена и проч.). Только пророк, Моисей (или кто бы то ни был), мог создать книгу Бытия. Бытие — предисловие к Исходу. То, что нужно в первую очередь современному человечеству, — это Исход из современного невыносимого, нелепого состояния.

Мы не слышим ясного и точного ответа. Вы допускаете, что на первых порах проектируемый Вами отдел новой библии — «книга предвидений» — будет до нелепости не на высоте, полна абсурдов, нищенски бедна (стр. 129 перевода).

Этого, мы утверждаем, именно этого нельзя позволить, ибо в подобном случае и вся библия окажется столь же нелепа, абсурд-

на и противоречива, будет собранием слабо склеенных случайных книжек, кусков, крошкой страниц. Великая идея будет тогда сразу же скомпрометирована и похоронена по первому разряду. Можно вспомнить здесь Ваши же слова по другому поводу (о Лиге Наций): «Говорят, это лучше, чем ничего, но в этом-то и дело, что это хуже, чем ничего, потому что может вызвать чувство разочарования в попытках к мировому единению».

В первую очередь необходимо договориться о предвидениях. Надо с этого начинать, ибо иначе мы снова рискуем «вооружить садовника дробовым ружьем против слона».

Опрос для этой цели политиков и «государственных мужей» всех видов и категорий потребен, конечно, лишь для наглядного обнаружения полной бессодержательности их проектов будущего и сквозного ветра в их мозгах. Гораздо важнее попытаться и до чего-нибудь договориться по этому поводу с современными главари-ми и работниками мысли, искусства, науки, философии, со всеми теми, на которых, как утверждаете Вы, все более и более неуклонно переходит теоретическая ответственность за мир: писателей, научных исследователей, поэтов, профессоров, пропагандистов, проповедников, предложив каждому из них осознать (если они сами еще до сего времени не удосужились) и точно ответить на этот вопрос: какого будущего они ожидают и какого желают они для человечества, и что нужно делать для согласования ожидаемого с желаемым.

А для этого те, кто решился бы взять на себя инициативу подобного опроса в различных странах, должны сперва между собой договориться и дать самим себе [и] друг другу отчет в своих ожиданиях, надеждах, мечтах, предчувствиях, предвидениях, планах и проектах. И вот, поскольку нам кажется желательным войти с Вами и связанными с Вами группами одинаково мыслящих людей, если таковые имеются, в контакт для согласованного проведения в жизнь этой задачи, постольку мы считаем себя не вправе воздержаться от того, чтобы высказать Вам несколько слов по поводу впечатления, произведенного на нас одним из Ваших последних опытов в области постановки целей и задач для будущего человечества. Речь идет о романе «Люди-Боги» («Яко боги», как бы без пяти минут боги)¹.

По-видимому, в этом произведении Вы задались целью в художественной форме представить нашей мысли и воображению свои предвидения об идеальном и должном будущем земли и человечества. Вы хотели изобразить «обетованную землю людских желаний», где «обретено все, чего мы ждем, и где все грезы превратились в действительность». Но то, что у Вас показано и представлено, совершенно не способно удовлетворить человеческие желания и насытить потребности самые элементарные. Вы, как художник, сами

не могли этого не почувствовать, и от фальши в изображении своей Утопии Вы спасаетесь лишь рядом невольных откровенных признаний.

Отметим эти моменты.

При первом явлении утопийцев земные видят два трупа прекрасной формы². Это сразу дает лейтмотив остального. Олимпийские боги? Нет, даже не Олимпийские — ибо не бессмертные; итак, даже греза древнего грека в действительность Вашей утопии не превращается, и никаких путей к такому превращению Вами не показано. Вы словно о них не подозреваете, хотя уже в нашей современной действительности, в нашей земной науке борьба со смертью и ее преддверьем — старостью — поставлена как очередная, неотложная задача. Далее мистеру Барнстэплу кажется странным, с какой силой им владеет мысль о тех, «кто уже удалился за пределы всех вселенных» (См. стр. 109 русско-английского перевода)³. Если бы они, его друзья, поработавшие для нового мира, были тут с ним, если бы он мог им уступить свое место, «тогда, — заявляет он, — я действительно мог бы отдаться утопии радости. А теперь мне кажется, словно я ограбил сбережения моих старых друзей и растрчиваю их на себя» (там же, стр. 111). Поскольку утопийцы не слишком грустят, что им приходится жить в грабительском мире, унавоженном истлевшим прахом их предков, костями бесчисленных поколений, и не очень даже задумываются над этим, не мучаются этим сознанием, постольку они нравственно не только ниже мистера Барнстэпла, но и самого грубого из земных дикарей, пытающегося установить связь с предками и воздать им должное теми жалкими и ограниченными способами, какие находятся в его распоряжении, грубыми церемониалами культа и т. д.

Но, к сожалению, грусть мистера Барнстэлла, делающая честь его сердцу, остается субъективным чувством, не связанным с каким-либо волевым импульсом, не переходящим в какое-либо подобие реального практического плана или проекта. Когда же ему самому пришлось испытать на себе процесс умирания, беспомощности перед смертью, когда он до того возвысился умом, чтобы обобщить свое состояние беспомощного ожидания смерти, осознать его как постоянное и всегдашнее положение каждого из людей и всего человечества в целом, — то и тут он ухитрился не сделать никаких разумных выводов из своего открытия.

«В конце концов к тому же самому или к чему-то вроде этого должны прийти все люди». «Надо когда-нибудь умирать». (А кому это надо?) «Бог не требует особой лютости страданий» (Неужели? Это очень мило с его стороны. А «не особенной лютости» все-таки, стало быть, требует?) «Крест, колесо, электрическое кресло или дыба, все дело в том, что ты умрешь и кончено» — это подчеркнуто Вами. Да, конечно, все дело именно в этом, и все попытки гово-

речь о чем-нибудь, замалчивая или обходя это, есть не дело, а переливание из пустого в порожнее. «Было приятно убедиться, что об этих вещах можно рассуждать здраво». Барнстэпла мало заботит возможность сохранения части или отблеска человеческого сознания в какой-то непостижимой и не предвиденной форме. Но вместо этого какой проект, относящийся к смерти, выдвигает здоровое размышление мистера? — Да, никакого. Он просто «перестает думать о собственной смерти и о смерти вообще»⁴. Способ слишком простой, но не слишком здоровый. Страусы издавна применяют его в минуту опасности, но едва ли он способствует выживанию и распространению их вида. Здесь невольно вспоминаются другого рода предвидения, иного рода картина идеально организованного человечества, где «смерти не будет уже, ни плача, ни вопля, ни болезни, ибо прежнее прошло»⁵. Эта картина находится на последних страницах той самой книги, которую Вы называете «странной и сомнительной», книги, на которой обрывается «старая библия». Мы категорически утверждаем, что новая проектируемая Вами библия, если она действительно хочет быть сколько-нибудь достойной старой и надеется получить сколько-нибудь сходное с нею значение в судьбах народов, — она должна быть не пародией или карикатурой своего образца, а его продолжением, раскрытием, расшифровкой и восполнением, она должна начать с того, на чем старая окончилась, связаться с нею звеном к звену, т. е. начать с выполнения перевода последней книги с символического языка на язык науки⁶. Точный, ясный, философски и научно-обоснованный проект преобразования вселенной реальными силами и разумом объединенного человечества, программа космической политики нашей эпохи, организованный космический коллектив взамен хаотических, господствующих сейчас социальных и политических организмов, зверских и чудовищных, взаимно борющихся царств, — с этого должна начинаться в настоящий момент всякая работа по объединению человечества. Эта программа должна быть построена так, чтобы быть одинаково понятной, приемлемой и близкой для всех искренних и бесстрашно глядящих людей, независимо от их политических, религиозных и иных взглядов, для верующих и неверующих.

Как Вы можете усмотреть, мы подошли к некоторой программе и плану, и пути объединения человечества. Может быть, несколько смело говорить, но мы склонны думать, что мы стоим на единственно правильной дороге, пока, по крайней мере, в проекте. Мы полагаем, что всеобщее объединение не может быть осуществлено на почве обладания чем-либо, будь то знание и образование, равномерно распределенное между всеми обитателями нашей планеты, или обладание хотя бы и всей землей и ее продуктами. Ни коммунизм отвлеченного знания, ни коммунизм пассивного обладания не

могут быть той основой, на которой возможно объединение человечества. Мы думаем, что и в том и в другом, как во всякой системе, построенной по принципу организма, одинаково сильны внутренние противоречия, влекущие неизбежно к распаду той социальной системы, которая попытается строиться на этих принципах. Еще в меньшей степени строительство общности и современного человеческого общения может осуществляться на современном индивидуализме, который прямым путем ведет к социальной розни, отрицающей и разлагающей всякое объединение. Обе эти системы — индивидуализм и односторонний коллективизм обладания — одинаково построены на вещном владении и обе неизбежно ведут человечество или к розни, или [к] гнету, и поэтому совершенно неспособны послужить основным организационным принципом для строения нового мира. Мы думаем, что таким принципом может быть некоторое общее для всего человечества *действие*. Только в таком объединении, где имеется общая цель, общая задача и общее дело, мыслимо преодоление крайностей нашей современности, и только на этом пути возможно найти общую равнодействующую всех стремлений и сил, бушующих в недрах теперешнего раздробленного человечества. С этой точки зрения, разрешение всех вопросов, связанных с построением будущего человечества, сводится к нахождению конкретного содержания для этой общей формулы, определению общей задачи, стоящей перед миром и человеком, к установлению связи ее с современностью и к постановке задач, требующих разрешения сегодня и могущих сегодня же быть разрешенными. На решение такой задачи в наших условиях многие смотрят как на отыскание философского камня, как на задачу заведомо безнадежную. Действительно, даже откровенная постановка ее встречает у самых сильных умов современности могучее сопротивление. Причины его лежат не только в грандиозности задачи, но и в глубоко заложенных в человеке силах косности человеческой природы, вот уже скоро двадцать веков тщетно стремящейся себя пересилить. Мы полагаем, что такой общей задачей, обеспечивающей жизнь человечеству, является ясная и отчетливая постановка вопроса о реальной борьбе со смертью и распадом и его силами в обществе, в мире и в человеке. Борьбы не мыслимой или мыслительной только (в познании и представлении) или магической и символической (в обрядах религии или искусства) и не мнимой (в условиях нашей, т<ак> н<азываемой> цивилизации, производственной собственности), а реальной и подлинной борьбы, принципиально признающей возможность, необходимость и неизбежность победы. Борьба эта мыслится нами не только как борьба, но и как строительство: а) собственного общества, в котором индивид не подавляется коллективом и не стремится в розни найти себя и свое самоутверждение, общества, члены которого существуют нераз-

дельно и неслиянно, не подавляя, не вытесняя и не уничтожая друг друга, б) собственного тела, которое было бы не такой жалкой системой полугниющей клетчатки, распадающейся от всякого случайного вдавленного в него кусочка металла, а тела столь мощного и сильного, способного самобытно и самостоятельно существовать в любой среде, путем непрерывного процесса приспособления себя к среде и путем приспособления среды к себе и, наконец, в) своего мира, не того, в котором ныне парят и безумствуют непросвещенные стихии, вращающиеся неясные, угасающие и падающие волчки солнц и планет, а такой вселенной, которая построена и управляется человеческим коллективом как экипажем сначала нашей планеты, а затем космоса оживленных миров.

Мы смеем думать, что постановка таких проблем, постановка практическая, постановка немедленная, не связываясь с откладыванием их на тысячелетия, когда-де человечество улучшится и т. д., это — насущная задача современности. Только выставив такую задачу, можно вовлечь в ее осуществление всех людей, все силы человечества, только ею можно обосновать все те частные и отдельные мероприятия, которые, между прочим, составляют значительную часть содержания Вашей книги. Конечно, Вашими проектами нельзя в этом плане ограничиваться, необходима и возможна более детальная разработка всех этих вопросов. Неотложно необходима работа по привлечению к ней самого широкого общественного внимания и разрешение на основе ее всех конкретных задач современной жизни.

Несомненно, что эта слишком прямая постановка проблемы не может сейчас быть принята всеми без сопротивления. Было бы непрактично резко ставить сейчас намеченные нами задачи как подлежащие достижению в первую голову. На этой плоскости неизбежны были бы взаимные недоразумения. Правильным представляется, наметив эти основные точки зрения, выставить такую программу работы на сегодняшний день, которая не вызывала бы излишней траты сил на взаимную борьбу или на ослабляющую и парализующую энергию взаимное непонимание, отталкивание и приспособление. Основой для такого объединения, на котором возможно было бы в настоящее время сойтись всем живым силам человечества в деле, общем для всех, всех без различия звания, пола, религии, сословия, класса, расы и национальности, могла бы быть следующая программа, сведенная в десять основных положений, теоретическая разработка которых, пропаганда и практическое проведение их в жизнь настоятельно необходимы. Принципы эти следующие:

1. Нет в мире ничего непознаваемого, есть только непознанное.

2. Познание не должно быть привилегией какой-либо отдельной общественной группы; все должны быть познающими и все предметом познания.

3. Все в нашем космосе должно быть изучено и покорено совокупными усилиями человечества.

4. Современная хищническая, паразитическая эксплуатация жизненных ресурсов земли, ничтожных отбросов солнечных энергий, должна уступить свое место регуляции, творческому управлению всеми стихийными теллурическими и космическими процессами.

5. Все губительные смертоносные силы природы должны быть обезврежены и превращены в живородящие и возрождающие.

6. Наука должна выйти за пределы отдельных изолированных помещений и учреждений и, вместо случайных разрозненных опытов, производимых по индивидуальным планам разобщенно работающими учеными, стать совокупным и систематическим опытом объединенного человечества.

7. Всякий обязан отдать и свой труд и время и волю для выполнения общей задачи.

8. Все человечество должно быть обращено в войско по принципу всеобщей научно-трудовой повинности для организованной борьбы с распадными силами и для управления нашей планетой и космосом.

9. Все даровое должно стать трудовым, все, чем сейчас только пользуется человек и от чего зависит его существование, то должно быть им самостоятельно воспроизведено его собственным трудом.

10. Все жизненное мироотношение и мировоздействие человека должны измениться и изменить, преобразовать и осмыслить и человеческое общество, и самого человека, и внешний мир.

Мы полагаем, что из этих принципов, которые приемлемы для весьма многих наших современников, может быть выведено большинство всех тех конкретных мероприятий, которые выдвигаются и Вами, и другими выдающимися мыслителями Запада. Можно было бы развить и обосновать на их основе программу, одинаково приемлемую для каждого мыслящего человека нашей эпохи, не слишком одурманенного той или иной ходячей доктриной...

Если говорить о еще более конкретной постановке этого дела, то насущно необходимо приступить к разработке и систематизации проектов объединения человечества для планомерного покорения сил природы и к установлению тесного взаимодействия между всеми представителями науки, философии, искусства, политики, религии, техники и всех видов производительного и творческого труда, направленного к выяснению их отношения к развиваемым выше положениям.

В заключение мы считаем своим долгом прибавить, что высказываемые нами мысли не являются чем-либо оригинальным и нами измышленным, но мы здесь являемся исполнителями проектов весьма мало известного величайшего русского философа и мыслителя Николая Федоровича ФЕДОРОВА, оказавшего весьма сильное влияние на таких общепризнанных писателей, как Ф. М. Достоевский (в последний период его жизни), Л. Н. Толстой, на такого философа, в настоящее время привлекающего к себе внимание Западной Европы, как В. С. Соловьев, и на многих других, мыслителя, предвосхитившего в своих проектах все тенденции в науке и культуре нового века.

Более подробное представление об этом авторе можете составить себе по его трудам, изданным не для продажи, под общим заглавием «Философия Общего Дела», экземпляр коих в свое время был послан в Лондонскую Королевскую Библиотеку.

